

ПАВЕЛ ШАБЛЕЙ

Мусульмане Атбасара на страницах татарской печати: между вызовами современности и региональным контекстом

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-1-226-259>

Pavel Shabley

Muslims of Atbasar on the Pages of the Tatar Press: Challenges of Modernity and Regional Context

Pavel Shabley — Kostanay Branch of Chelyabinsk State University (Kostanay, Kazakhstan). pavel-shablei@list.ru

The article examines the development of Atbasar, a small town in the northern part of the Kazakh Steppe, in the early twentieth century, as discussed in the Tatar press. In 1906, Atbasar attracted the attention of the two influential Tatar newspapers, “Vakyt” and “Ul’fat,” who approached the towns’ problems in very different ways. They debated over the ways the local problems could be combined with the challenges of the current imperial reforms; the reforms of Muslim education; the process of Tatar/Turkic national consolidation, etc. The analysis of the language of publications and of the additional archival sources show that such debates were motivated by the particular interests of certain involved groups (reformers, newspapers editors, merchants) rather than the desire for detailed and comprehensive analysis of the situation of a particular region. The conclusion is that

Я благодарю Зуфара Махмудова за то, что он обратил мое внимание на некоторые источники, использованные в статье. Отдельная благодарность Динаре Мардановой, которая читала первый вариант этой работы и дала ценные рекомендации по ее улучшению. Транслитерация терминов и имен собственных дана с учетом татарской фонетической традиции, так как она наиболее точно отражает особенности использованных источников.

the analyzed debates were, in most cases, a competition of certain linguistic strategies, rather than a real discussion of efficient reforms.

Keywords: Vakyt, Ul'fat, Atbasar, Jadids, mahallia, Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly, heterogeneous society.

Введение

В ПЕРИОД с 1905 по 1917 год в Российской империи выходило 120 газет и журналов на татарском языке¹. Часть этих изданий имела реформаторскую направленность и ориентировала местные общества (не только татарские, но и в целом тюркские) на глубокие изменения жизненного уклада: преобразования в сфере мусульманского образования согласно новому методу (*ысул эл-жэдит*); равноправие женщин; активизацию политического движения; изучение русского языка и др. Фактически, как считают некоторые исследователи, наиболее влиятельные газеты и журналы преследовали цель, связанную с формированием образа «нового мусульманина» — не только благочестивого и нравственного с точки зрения религии, но и соответствующего требованиям современности². Играя важную роль в жизни общества, татарская пресса становилась неотъемлемой частью «мусульманской публичной сферы». Это понятие связывается исследователями с последствиями событий 1905 года («Указ об укреплении начал веротерпимости [от 17 апреля 1905 года]», представительство мусульман в Государственной думе, «Манифест об усовершенствовании государственного порядка» [от 17 октября 1905 года] и др.), которые способствовали утверждению свободы слова, печати, росту национального самосознания, интеграции мусульман в состав империи³. Тем не менее, понятие «мусульман-

1. Usmanova, D. (1996) "Tatarische Presse 1905-1918: Quellen, Entwicklungsstadien und Quantitative Analyses", in M. Kemper, A. von Kügelgen, D. Yermakov (eds) *Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th centuries*. Vol. 1, s. 239–278. Berlin: Klaus Schwarz Verlag; Гарифуллин В.З., Сабирова Л.Р. Татарская журналистика: исторический опыт и перспективы развития // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. С. 56.
2. Брилева Д.С. Общественные дискуссии по вопросам социальных реформ в татарской прессе начала XX века (на материалах журнала «Шура» 1908–1917). Дисс. канд. истор. наук. Казань, 2012. С. 100–121.
3. Naganawa, N. (2017) *Islamic Russia: Empire, Religion, and the Public Sphere, 1905–1917*. Nagoya: Nagoya University Press (на японском языке). См. аннотацию на английском языке.

ская публичная сфера» не следует, на мой взгляд, идеализировать с точки зрения его влияния на жизнь мусульман разных регионов Российской империи. Казахи, например, были освобождены от службы в русской армии⁴, пребывание в рядах которой способствовало быстрой адаптации к имперской жизни⁵. Мусульмане Бухары и Самарканда были в меньшей степени обеспечены информационными и финансовыми ресурсами для введения инноваций, чем их единоверцы в Волго-Уральском регионе. Сам же реформаторский дискурс охватывал относительно небольшое пространство общественной и религиозной жизни. По данным Адиба Халида, только 11 из 70 центральноазиатских периодических изданий можно классифицировать в качестве реформаторских (или джадидских)⁶.

Реагировала ли татарская печать на проблемы мусульманских обществ Казахской степи?⁷ И как сами жители этого региона — авторы различных публикаций в газетах и журналах — описывали свое положение и нужды? В начале XX века на территории Акмолинской, Тургайской, Семипалатинской и Уральской областей (так называемые степные области согласно Временному Положению 1868 года⁸) проживало гетерогенное мусульманское сообщество (казахи, татары, башкиры, сарты, казаки, купцы, крестьяне, отставные солдаты и др.), которое имело прочные культурные, экономические и иные связи как с Центральной Азией, Сибирью, так и с Волго-Уральским регионом. Следует обратить внимание и на тот факт, что в период с 1888 по 1905 год в Омске выходила единственная газета на казахском языке (с переводом на русский язык) «Дала уэлаятынын газеті», известная скорее под названием «Киргизская степная газета». Эта газета в большей степени

4. Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи): монография / под ред. проф. С. В. Любичанковского. Оренбург, 2019. С. 245–252.
5. Naganawa, N. (2020) "Tatars and Imperialist Wars: from the Tsar's Servitors to the Red Warriors", *Ab Imperio* 1: 171–191.
6. Khalid, A. (1999) *Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*, pp. 119–120. Berkely: University of California Press.
7. Среди небольшого количества работ, рассматривающих этот вопрос, следует отметить: Махмудов З. А. История татар Астаны (XIX — начало XXI в.). Казань, 2017; Он же. История татар Кокшетау и Акмолинской области (XIX — начало XXI в.). Казань, 2019; Naganawa, N (2018) "Designs for Dâr al-Islâm: Religious Freedom and the Emergence of a Muslim Public Sphere", in R. A. Poole, P. W. Werth (eds) *Religious Freedom in Modern Russia*, pp. 175–178. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
8. Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. А.-А. 1960. С. 323.

отражала установки и мнения российской колониальной администрации, чем взгляды на существующие проблемы представителей местного населения⁹. В 1905–1906 годах в приграничных регионах Казахской степи (Троицк, Оренбург) появляются крупные татарские периодические издания и функционируют мусульманские типографии¹⁰. На страницах этих газет и журналов освещались события, посвященные культурной, экономической, религиозной и политической жизни мусульманского населения Казахской степи.

История мусульманских сообществ юго-восточных окраин Российской империи в начале XX века, несмотря на имеющиеся источники (особенно данные мусульманской печати), изучена фрагментарно — как на уровне выявления новых фактов и деталей, так и на фоне построения каких-то концептуальных схем. Интерес исследователей в основном сфокусирован на Волго-Уральском мусульманском сообществе¹¹. Этот регион представляется в виде идеальной модели, позволяющей описать разнообразные варианты трансформации мусульманских сообществ под российским управлением¹². При этом казанские реформаторы и интеллектуалы изображаются в качестве «локомотива» перемен, лидеров реформаторского движения. Распространив свои идеи на периферию, они, тем самым, обеспечили культурное, экономическое и политическое превосходство над другими мусульманами империи (особенно над казахами и башкирами)¹³.

9. Субханбердина У. Қазақ халқының атамұралары: Мазмұндалған библиографиялық көрсеткіш. Алматы, 1999. Б. 134–241.
10. Амирханов Р. Татарская дореволюционная пресса (в контексте Восток — Запад). Казань, 2002; Ахунов А. Пока жандармы спят: Крупнейшая татарская газета начала XX века издавалась в Оренбурге // Восточный экспресс. 2001. № 32 [http://tatarica.narod.ru/world/language/aa_gazet.htm, доступ от 19.02.2022].
11. Meyer, J (2014) *Turks across Empire: Marketing Muslim Identity in the Russian-Ottoman Borderlands, 1856–1914*. Oxford: Oxford University Press; Lazzerini, E. J. (1973) *Ismail Bey Gasprinskii and Muslim Modernism in Russia, 1878–1914*. Ph.D. Dissertation, University of Washington; Кемнер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане: Исламский дискурс под русским господством / пер. с нем. И. Гилязова. Казань, 2008; Гарипова, R. (2013) *The Transformation of the Ulama and the Shari‘a in the Volga-Ural Muslim Community under Russian Imperial Rule*. A Dissertation of Doctor Philosophy. Princeton.
12. Tuna, M. (2015) *Imperial Russia’s Muslims. Islam, Empire, and European Modernity, 1788–1914*. Cambridge: Cambridge University Press; Ross, D. (2020) *Tatar Empire: Kazan’s Muslims and the Making of Imperial Russia*. Indiana: Indiana University Press.
13. Ross, D. *Tatar Empire: Kazan’s Muslims and the Making of Imperial Russia*, pp. 161–163.

Однако в этой схеме существуют определенные уязвимые места. Во-первых, многие татарские реформаторы не были связаны с Казанью и Волго-Уральским регионом в целом. Они получили образование, а также прошли различные этапы социализации в Сибири, Османской империи, Центральной Азии¹⁴. Во-вторых, жизнь мусульман Казахской степи в XVIII — начале XX века часто рассматривается как сумма реакций на вызовы колониализма, стремление населения выработать какую-то определенную схему действий — интегрироваться в состав империи, солидаризироваться с другими мусульманами, поднять национальный вопрос.

Здесь следует остановиться на нескольких особенностях. Прежде всего, ряд казахских источников уделяет незначительное внимание имперскому контексту и рассматривает местные проблемы через призму исламского дискурса, а также тех обычаев (*адат*), правил и традиций, которые существовали в период, предшествовавший вхождению казахских жузов в состав империи¹⁵. Также следует понимать, что сам факт российского управления, несмотря на рост национального самосознания и появление казахской интеллигенции, не способствовал консолидации позиций по ряду очень важных вопросов¹⁶. Даже в отношении таких актуальных проблем, как создание собственного казахского духовного управления, господствовал регионализм, обусловленный родоплеменными традициями и сложившимся укладом жизни. Например, казахи Кокчетава хотели иметь своего муфтия¹⁷, а не общеказахского. Именно поэтому татарская печать не формирует какого-то целостного и объективного взгляда на то, что происходило в казахской глубинке. Попытки редакторов газет и журналов вписать эти события в определенные рамки — борьбу

14. Brophy, D. (2016) "New Method on the New Frontier: Islamic Reformism in Xinjiang, 1898–1917", *JESHO* 59: 303–332; *Шаблей П. С.* Мусульмане города Тары и Казахская степь: социокультурные взаимодействия во второй половине XIX — начале XX в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2021. № 11. Т. 1. С. 104–109.

15. Ghilmani, S., Muminov, A., Frank, A. J., Nurmanova, A. (eds) (2018) *Biographies of the Islamic Scholars of our Time*. Vol. 2. English translation. Muminov, A., Frank, A. J., Nurmanova, A. (eds). Istanbul: IRCICA; Курбангали Халиди. Таварих-и хамса-и шарки. Казан, 1910.

16. Shabley, P. (2021) "A Kazakh Muftiate or Orenburg Muslim Spiritual Assembly: The Shape of Public Opinion in the Expanses of the Empire (Second Half of the Nineteenth — Beginning of the Twentieth Century)", *Russian Studies in History* 4: 292–309.

17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 10. Д. 29. Л. 286б–287а.

джадидов и кадимистов (от *ысул эл-кадим* — «старый метод»); распространение просвещения среди «невежественных» казахов и т.п. — так или иначе заглушаются какофонией местных проблем и в итоге утрачивают какую-то ясную и стройную форму. Таким образом, для того чтобы разобраться с тем, что же в действительности происходило, мы должны первоначально отказаться от некоего центризма мнений (например, господства реформаторского дискурса, который так или иначе преобладал в газетах) и понимать, что местный контекст задавал много разных тональностей. Разобраться с этим поможет анализ региональных особенностей описываемых событий и языка, который использовали авторы публикаций. Сделать это возможно через критическое прочтение того, что писалось в газетах, дополненное другими источниками, такими как, например, петиции и прошения самих мусульман, адресованные имперским чиновникам.

На примере дискуссии между авторами двух влиятельных газет «Вакыт» («Время») и «Ульфат» («Единство») ¹⁸ я попытаюсь проникнуть в мир мусульманской субъективности, а также понять, стремились ли мусульмане маленького города Атбасара, расположенного в 226 километрах от Акмолинска, адаптироваться к глобальным трендам современности (государственные преобразования, реформаторское движение среди мусульман империи) или их беспокоили проблемы иного рода, такие как борьба за власть и местные ресурсы. Одним словом, речь пойдет о том, как с помощью печатного слова обыгрывались представления самих мусульман о мире, в котором они живут (взаимодействие с властями, проблемы мусульманского сообщества империи в целом, развитие местной *махалли*-общины). Какой язык использовали авторы публикаций для того, чтобы убедить аудиторию в истинности своих слов?

С методологической точки зрения важную роль играют принципы герменевтики, позволяющие целостно оценить деятельность отдельно взятого человека в системе его ценностей и смыслов и, таким образом, выйти на уровень разграничения отвлеченно-теоретического мира (общественно-политические установки, культурные и религиозные предпочтения), задающего некие исходные смыслы, и индивидуально мыслящего

18. Подробнее об этих газетах см.: Татарская периодическая печать: Научно-энциклопедическое издание / сост. и науч. ред. Р.А. Айнутдинов, З.З. Гилязов. Казань, 2017. С. 34, 129–130.

субъекта, укоренного в историческом и социокультурном контексте. Вместе с этим, текст, который создают люди, циркулирует в рамках определенного пространства и оказывает влияние на мировоззрение и установки других людей. Таким образом, сложно обойтись без инструментария интеллектуальной истории, потому что за автором стоит определенная система понятий и идей, специфический культурный мир и среда, которые его окружают.

Атбасар во второй половине XIX — начале XX века: от казачьей станицы к многоукладному городу

Атбасар был основан в 1845 году как казачья станица. Первые жители станицы — казаки Сибирского казачьего войска. В 1879 году Атбасар получает статус уездного города¹⁹. Во второй половине XIX — начале XX века социальная и этническая структура региона заметно преобразуются благодаря активной миграции славянского и мусульманского населения из внутренних губерний Российской империи. Среди жителей Атбасара появляются купцы, мещане, крестьяне, религиозные деятели и др. В 1898 году общая численность населения города составляла 1669 человек. Среди них преобладали казаки Сибирского казачьего войска, русские крестьяне-переселенцы. Что касается мусульман, то в городе проживало 260 казахов, 201 татарин и 10 сартов²⁰. Меняется и характер развития региона — он постепенно утрачивает статус военно-опорного пункта империи и становится важным экономическим и культурным центром Акмолинской области. В Атбасаре проводятся крупные ярмарки²¹. Примечательно при этом и то, что в 1911 году татары контролировали более 20% торговых точек города²².

19. Махмутов З.А. История татар Кокшетау и Акмолинской области (XIX — начало XXI в.). С. 29; Атбасарская станица // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: в 86 т. Т. 2. СПб, 1890. С. 413.

20. Обзор Акмолинской области за 1898 г. Омск, 1900. С. 6, приложение. Ведомость лит. А о населении в Акмолинской области за 1898 год.

21. Вакыт. 1907. № 191. Б. 3.

22. Махмутов З.А. История татар Кокшетау и Акмолинской области (XIX — начало XXI в.). С. 48. Хотя доля купечества среди местных казахов была сравнительно ниже, однако не вызывает сомнения их зажиточность и наличие значительной прослойки состоятельных людей. Именно на благотворительные пожертвования казахов была построена первая мечеть в Атбасаре в 1880-е годы. См.: Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 1097.

Рост мусульманского населения Атбасара приводил к необходимости культового благоустройства региона. В 1862 году местный имам Мухаммад Юсуп Темнукеев поднял вопрос о строительстве первой мечети в станице. Прошение, поданное в Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС), из-за различных бюрократических проволочек не было удовлетворено²³. Только в начале 1880-е годов уже при новом казахском имаме Джамантае Байсарине появляется своя собственная мечеть²⁴. В это время казахи уже были исключены из ведомства ОМДС (согласно Временному Положению 1868 года²⁵), а татары оставались под юрисдикцией этого учреждения. В итоге в Атбасаре складывается ситуация, характерная для многих гетерогенных обществ. Официально мечеть объявляется казахской. Местные татары стремятся открыть свою собственную мечеть с татарским имамом. Однако власти препятствуют им в этом. В махалле происходит раскол²⁶. (Ниже я еще вернусь к обстоятельствам этой драматичной и запутанной истории.) Пример Атбасара отлично вписывается в сложную канву событий второй половины XIX — начала XX века, в которой тесно переплетались и взаимодействовали друг с другом изменения глобального (имперские реформы, реакция мусульман на вызовы современности) и регионального характера.

Преобразования, которые происходят в мусульманских обществах Российской империи в начале XX века, не оставляют в стороне и Атбасар. В городе открывается татарская школа (*мәктәп*), в которой преподавание осуществляется по новому методу²⁷. В 1917 году появляется «Общество атбасарских мусульманок»²⁸. Одним из членов этого общества была известная татарская просветительница и библиограф Зайнап Максудова²⁹. Приоритетная задача «Общества атбасарских мусульманок» заключалась в улуч-

Л. 1 об. К сожалению, выяснить точное количество торговых точек, принадлежавших представителям других этнических групп, не удалось.

23. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-295. Оп. 3. Д. 5727. Л. 1–2 с об.

24. ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 613. Л. 10.

25. Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 339–340.

26. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1097. Л. 3 об, 8, 13 об —14.

27. Рәдиягә жавап // Вақыт. 1906. № 71. Б. 6.

28. Махмұтов З.А. История татар Кокшетау и Акмолинской области (XIX — начало XXI в.). С. 80.

29. Бустанов А.К. Библиотека Зайнап Максудовой / отв. ред. А.А. Хасавнех, Ш.Ш. Шихалиев. М., 2019.

шении нравственного и материального состояния бедных мусульман-татар Атбасара и его окрестностей. Одновременно с этим в городе активно распространялись передовые мусульманские газеты «Вақыт» и «Ульфат». При этом следует констатировать тот факт, что не только татары, но и местные казахи становились авторами разных материалов, публиковавшихся на страницах этих периодических изданий³⁰.

Другая характерная особенность заключается в том, что атбасарское мусульманское сообщество активно развивалось не только в рамках исламского дискурса и собственных внутренних противоречий. Оно так или иначе было вовлечено в контекст имперской политики, которую реализовывали власти Российской империи на территории Казахской степи — борьбу с татаризацией, панисламизмом, пантюркизмом и пр.³¹. Однако я с некоторым удивлением замечая, что в отличие от других регионов (Петропавловск, Акмолинск)³², региональная администрация в целом достаточно терпимо относилась к местным мусульманским сообществам. В период с конца XIX века вплоть до февральской революции 1917 года здесь не было каких-то репрессивных действий по отношению к мусульманским деятелям³³. Возможно, именно поэтому авторы прогрессивных татарских газет, писавшие об Атбасаре, позволяли себе известную долю критики и свободы слова по отношению к российскому колониальному правлению³⁴.

Таким образом, Атбасар во второй половине XIX — начале XX века стал важным экономическим и культурным центром северной части Казахской степи. Однако, если проводить сравнение с другими городами — крупными центрами исламской цивили-

30. См. письмо некоего Ермахмуда Бейсимханова, в котором он хвалит печать и говорит о том, что среди местных казахов все больше распространяется привязанность к знаниям, образованию и независимым суждениям. Вақыт. 1906. № 109. Б. 5.

31. См. об этом: Ремнев А. В. Российская империя и ислам в казахской степи (60–80-е годы XIX в.) // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Вып. 32. М., 2006. С. 238–277; Султангалиева Г. С. «Татарская» диаспора в конфессиональных связях казахской степи (XVIII–XIX вв.) // Вестник Евразии. 2000. № 4.

32. Христоворов В. С. Политический сыск и «мусульманский вопрос» начала XX в.: сбор и оценка информации о мусульманах Степного края // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 3. С. 183–190; ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 4059б. Л. 18 об–19.

33. См. об этом отчеты атбасарских уездных начальников: ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 780. Л. 18; Д. 369б. Л. 71; Ф. 64. Оп. 1. Д. 3475. Л. 39 об.

34. Подробнее об этом далее.

зации (Семипалатинск, Петропавловск, Акмолинск), — Атбасар все же занимал периферийное положение. Именно поэтому проблемам и нуждам этого маленького города не всегда уделялось какое-то постоянное внимание со стороны татарской прессы. Почему же редакторы известных газет решили в 1906 году использовать атбасарский материал и какой общественный резонанс он произвел? Об этом пойдет речь в следующих разделах статьи.

«В споре рождается истина», или разные взгляды на проблемы Атбасара

8 июля 1906 года в «Вакыте» (годы издания: 1906–1918, Оренбург), представлявшего собой рупор мусульманского движения в Российской империи, было напечатано письмо из Атбасара. Автор послания скрыл свое имя под псевдонимом «один человек» (*бер адэм*). Письмо содержало жалобу на упадок нравственности и исламского благочестия среди местных мусульман: люди не собираются на намаз, купцы не выделяют средства на благотворительность, на местную ярмарку привозят проституток. Подобные обстоятельства, по мнению автора текста, не позволяют Атбасару развиваться в соответствии с требованиями времени — они ограничивают свободу и введение нового метода обучения. Письмо заканчивалось неким сакраментальным традиционным, типичным для подобного рода публикаций, выводом: если о ситуации в Атбасаре узнает широкая общественность, то местному «невежественному обществу» (*надан жэмэгат*) это не понравится³⁵.

Такие публикации, связанные с обличением пороков общества и требованием перемен, были очень распространены в «Вакыте». Обладая большой читательской аудиторией, газета, по сути, позиционировала себя в роли справедливого судьи, блюстителя интересов нации и «локомотива» перемен. Однако кажущаяся на первый взгляд разносторонность в действительности ограничивалась чередой конкретных и вполне прагматических задач. Освещая проблемы разных регионов, редакция уделяла большое внимание тем случаям, которые вписывались в текущую социальную и общественную злободневность. Одни истории (подобные атбасарской) включались в общую канву борьбы с отсталостью и невежеством мусульман, что соответствовало реформаторской направленности газеты. Другие представляли исключительную

35. Атбасардан // Вакыт. 1906. № 47. Б. 4.

важность для консолидации усилий мусульман в общественно-политическом движении начала XX века³⁶. Газета, например, публиковала петиции мусульман, адресованные высшим имперским властям³⁷. Таким образом, претензии на высшую справедливость или универсальную истину нередко носили субъективный характер, так как сложные социальные проблемы не всегда получали восторженное рассмотрение, а сводились к упрощенным формулам противостояния прогресса и отсталости, борьбы между бедными и богатыми, и т.п.

Письмо, опубликованное в «Вақыте», не осталось без внимания со стороны мусульманских интеллектуалов. Через два месяца «Ульфат» (годы издания: 1905–1907, Санкт-Петербург), редактором которого был Габдельрашид Ибрагимов (*Габдерэшит Ибрахим*), — крупный общественно-политический и религиозный деятель, автор многих научных и публицистических работ³⁸ — публикует две больших статьи Худжата Махмудова (Хожжэт эл-Хэким б. Дзут эл-Мэхмуди)³⁹ под названием «Обращение к редакторам и писателям нашего времени» (*«Заманамызнын эдип вэ мохэррирлэрэнэ гаид»*). Первая статья является своеобразной преамбулой ко второй — она говорит о важности печати для мусульман, необходимости школьной реформы, содержит призывы к развитию просвещения и науки⁴⁰, одним словом, ориентирует мусульманское сообщество на необходимость перемен и на жизнь в соответствии с духом времени. Во второй статье Махмудов переходит к конкретным вещам, которые имеют прямое отношение к Атбасару. Редакторов «Вақыта» он называет обманщиками, так как они якобы публикуют непроверенную информацию

36. Главный редактор газеты Фатих Карими (1870–1937) был делегатом Всероссийских съездов мусульман (1905, 1906, 1914, 1917), активно пропагандировал реформу системы образования на основе нового метода, являлся одним из основоположников новой татарской литературы. См.: *Гатин А.А. Фатих Карими: педагогическая и общественно-политическая деятельность*. Дисс. канд. истор. наук. Казань, 2008.

37. Naganawa, N. "Designs for Dâr al-Islâm: Religious Freedom and the Emergence of a Muslim Public Sphere", pp. 176–179.

38. См. о нем: Габдерэшит Ибрахим: фэнни-биографик жыентык. Төз.: М. Госманов, Ф. Галимуллин. Казань, 2011.

39. *Шаблей П.С. Мусульмане города Тары и Казахская степь*. С. 106–108. *Шаблей П.С. Кто гарант шариата? Правовые столкновения в Акмолинске в 1911 году // Ислам в России и Евразии (памяти Дмитрия Юрьевича Арапова): коллективная монография*. / Сост. и отв. ред. Т.В. Котюкова. СПб.: 2021. С. 189–216.

40. *Себериялы Х. Махмудов. Заманамызнын эдип вэ мохэррирлэрэнэ гаид (I) // Ульфат*. 1906. № 33. Б. 3–5.

на страницах своей газеты. Прежде всего, корреспондент «Ульфата» предлагает искать причину неблагополучия среди мусульман не в купцах как таковых, а в местных административных и религиозных особенностях. В силу того, что правительство не разрешает татарам строить свои мечети в Степи, единственная мечеть в Атбасаре — казахская. Местные служители культа (имам и помощник имама — П.Ш.), казахи, невежественны и не пользуются влиянием⁴¹.

Подобный подход был характерен для некоторых татарских и казахских периодических изданий, которые в своей критике правительственных мер в отношении ислама балансировали на грани закрытия⁴². С другой стороны, акцент на цивилизационную миссию татар в Казахской степи и поверхностную исламизацию кочевников также не являлся новым. Он был частью одновременно и имперского, и татарского дискурсов⁴³. Махмудов ловко использовал эти аргументы, чтобы связать местные проблемы с более широким контекстом, пытаясь, вместе с этим, намекнуть, что «Ульфат» не стремится к имперской лояльности как таковой. Цель газеты — представить независимый взгляд на происходящее в глубинке.

Кроме того, Махмудов отводит себе роль блюстителя мусульманской нравственности, уделяя большое внимание осуждению проституции. Он подвергает сомнению факт присутствия на ат-

41. Себериялы Х. Махмұдов. Заманамызның әдип вә мөхәррирләренә гаид (II) // Өлфәт. 1906. № 34. Б. 4–6.

42. Практически за всеми мусульманскими периодическими изданиями был установлен негласный надзор полиции. Некоторые из них просуществовали сравнительно недолгое время и из политических соображений были закрыты властями. Например, известная газета «Казах» выходила всего четыре года (с 1913 по 1917), «Ульфат» издавался только два года (с 1905 по 1907). См.: Bennigsen, A. et Lemerrier-Quelquejay, Ch (1964) *La Presse et le Mouvement National: Chez Les Musulmans De Russe Avant 1910*, p. 154. Paris: Mouton; Исхаков С.М. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М., 2007. С. 182.

43. См.: Ремнев А. Татары в Казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 9, 14; Frank, A. J., Usmanov, M. (2001) "Materials for the Islamic History of Semipalatinsk: Two manuscripts by Ahmad-Wali al-Qazani and Qurban 'Ali Khalidi", in *ANOR* 11: 24. Интересно, что в казахских источниках второй половины XIX века идея культурного доминирования татар не принимается в качестве безусловной. Между татарами и казахами, наоборот, разворачивается противостояние за обладание ресурсами власти и доминирования в местных степных сообществах. См.: Акан сері Қорамсаұлы. Көкшетауда Науан молда мен Хамидолла ноғай молдасы бақас болғанда, Хамидоллаға Ақан серінің айтқаны // Ақан сері Қорамсаұлы, Үкілі Ыбырай Сандыбайұлы, Балұан Шолақ Баймырзаұлы. Шығармалары. Алматы, 2014. Б. 97–99.

басарской ярмарке женщин легкого поведения — проституток-мусульманок. Апеллируя к религиозной этике мусульман, корреспондент «Ульфата» находит в проституции некий предел морального разложения общества. Подобного рода оценки этого вида деятельности, конечно, были характерны и для автора «Вакыта», но Махмудов, в отличие от своего оппонента, считал, что мусульмане тут же прогнали бы проституток, если бы они появились в Атбасаре⁴⁴. Иначе в дело вмешались бы имперские власти, как это случилось в Петропавловске — когда Степной генерал-губернатор Н.Н. Сухотин (в этой должности с 14 апреля 1901 года по 25 апреля 1906 года), «проявляя заботу о религии мусульман», издал распоряжение о том, чтобы прогнать проституток⁴⁵.

Здесь прослеживается сбалансированный подход по отношению к российской администрации. Конечно, подобная тактика не сводилась к тому, что имперская власть в глазах Махмудова была верховным арбитром законности и блюстителем границ ортодоксального ислама⁴⁶. Просто эта ситуация отражала умение в зависимости от собственной выгоды выстраивать сотрудничество с региональной бюрократической системой. Мотивы же такого сотрудничества могли быть самыми разнообразными: от социального расчета до психологических соображений и карьерных перспектив. Тем более, что Сухотин совсем не был таким идеальным человеком и чутким к чаяниям мусульман чиновником, как может показаться из статьи Махмудова. В некоторых направлениях деятельности генерал-губернатора угадывались симпатии к либеральной идеологии (например, он ратовал за предоставление места в Государственной думе инородцам). Однако в целом это был исполнительный чиновник и прагматик. Сухотин принимал активное участие в подавлении революционного движения в Сибири⁴⁷. В отношении мусульман он действовал крайне

44. Это скорее стремление выдать желаемое за действительное. О том, что женщины-мусульманки среди представителей этой профессии часто встречались на ярмарках, см.: Мальшева С. Профессионалки, «арфистки», «любительницы»: проститутки в российском провинциальном городе второй половины XIX — начала XX в. [<https://tinyurl.com/5n7xpj7n>, доступ от 19.02.2022].

45. Махмудов. Заманамызның эдип вә мөхәррирләренә гаид (II). Б. 5.

46. Как считает Роберт Круз. См.: Crews, R. (2006) *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*, p. 20. Cambridge, MA, London: Harvard University Press.

47. См.: Ильясов Ш.А. Деятельность административного аппарата в системе органов колониального управления Степного края (1891–1917 гг.). Дисс. доктора философии PhD. Караганда, 2017. С. 59, 61.

осмотрительно. С одной стороны, всяческим образом поддерживал правительственный курс, связанный с необходимостью ограничить влияние татарских мулл на казахов⁴⁸. С другой, сдерживал проявления крайней исламофобии среди некоторых своих подчиненных: в 1903 году Сухотин ответил отказом на прошение военного губернатора Акмолинской области М. Я. Романова по поводу закрытия мечети в Кокчетавской станице, предложив чиновнику основывать свою убежденность по поводу распространения «религиозного фанатизма» среди казахов не на слухах, а на фактах⁴⁹.

Вопрос проституции как мерила стагнации упадка общества представляет особый интерес. Подобный взгляд был популярен среди реформаторов⁵⁰. Однако этот вопрос не являлся таким однозначным и стигматизированным, как его пытался представить Худжат Махмудов. Мусульманские интеллектуалы Российской империи не выработали единой оценки проституции, потому что причины ее распространения могли различаться. Например, одна из них — это принудительное замужество, которое толкало женщин, отчаявшихся найти счастье в семейной жизни, искать самостоятельные источники пропитания. С другой стороны, редко брался в расчет и сам женский дискурс, потому что женщины играли незначительную роль в публичной сфере (печать, общественные собрания, петиции), и тон общественному мнению задавали мужчины⁵¹. Таким образом, даже в такой известной газете как «Ульфат» осуждение проституции приобретало характер обычного слогана, а не конструктивного анализа, попытки разобраться с природой этого социального явления. Сравнительно редкие публикации в печати свидетельствуют, что эта социально опасная для мусульман тема подвергалась табуированию.

Особое внимание следует обратить на еще одно обстоятельство, в котором Махмудов видел причину местных бед Атбасара. Это влияние миссионеров. Успех миссионеров в деле распространения православной религии связывался с неблагополучным, порой бедственным положением казахов. Потеря скота и средств к существованию часто вынуждала их идти на работу к миссио-

48. ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3696. Л. 69–78.

49. Там же. Д. 3822. Л. 82 об.

50. Khalid, A. Politics of Muslim Cultural Reform, p. 125.

51. Брилева Д. Общественные дискуссии по вопросам социальных реформ в татарской прессе начала XX века. С. 150. См. также: Фәхеш вә фәхешәлек // Шура. 1913. № 11. Б. 336–339.

нерам⁵². Развивая эту мысль, Махмудов стремился вновь нанести удар по репутации газеты «Вақыт». Он подчеркивал, что в таких маленьких городах, как Атбасар церкви зачастую находятся поблизости от мечетей и мусульманских молитвенных домов, и никто это дело не может исправить (то есть защитить себя от влияния миссионеров), кроме самих мусульман. Однако обращения в крупные газеты (здесь, очевидно, подразумевалась газета «Вақыт» — П.Ш.) остаются без внимания, потому что эти самые газеты больше предпочитают публиковать «всякий вздор», чем важные проблемы⁵³.

Какие аргументы привел Махмудов, чтобы выглядеть убедительным? Пожалуй, самым весомым доводом было утверждение по поводу хорошего знания местных обстоятельств. Здесь следует обратить внимание на некоторые факты из биографии Махмудова. В 1897–1902 годах он имам, хатып и мударрис в деревне Аубаткан Тарского уезда Тобольской губернии. В 1901 году в Казани он публикует обширный научный труд, названный «*Интикад ал-аквал би ал-тахик фи таджвиз ал-никах би ал-та'лик*» («Критическое рассмотрение утверждений, касающихся исполнения брака при определенных условиях»)⁵⁴. Около 1902 года Махмудов покидает Аубаткан и приезжает в Атбасар. Затем отправляется в Османскую империю. Круг близких людей Махмудова представлял не только его земляк Габдельрашид Ибрагимов, издававший газету «Ульфат», но также и кади ОМДС, редактор влиятельного журнала «Шура», крупнейший богослов и ученый Ризаэтдин Фахреддинов (*Ризаэтдин Фэхреддин*)⁵⁵. Таким образом, претензии на «обладание истиной» обуславливались не только претензией Махмудова на знакомство с местными обстоятельствами,

52. В основном это были так называемые джатаки (беднейшие слои казахского общества, лишившиеся скота и неспособные в перекочевках следовать за своим аулом). См.: Катанаев Г. Е. Прииртышские казахи и казаки: история, хозяйство и быт. Астана, 2007. С. 81–82. Однако жизнь в окружении русских поселений еще не означала, что все они становились христианами. Так, русский дьякон Н. Саркин в начале XX века писал, что если татары по каким-то причинам не могут попасть вглубь степи для распространения ислама, «их охотно заменяют джатаки, в особенности если покровительствуют им богатые татары». См.: Саркин Н. Об употреблении спиртных напитков у казак-киргизов // Деятель. 1905. № 21. С. 502.

53. Махмудов. Заманамызның эдип вә мөхәррирләренә гайд (II). Б. 5.

54. Хөжжәт әл-Хәким б. Дәүт әл-Мәхмүди. Интикад ал-аквал би ал-тахик фи таджвиз ал-никах би ал-та'лик. Казан, 1901.

55. Шаблей П. С. Мусульмане города Тары и Казахская степь. С. 106–108.

при том что его пребывание в Атбасаре составило всего несколько недель. Большую роль играло стремление подчеркнуть значимость своей собственной личности — авторитет мусульманского ученого.

Другой важный способ убеждения аудитории в истинности своих слов — связь религиозной аргументации (легенды из Корана, хадисы) с конкретными жизненными реалиями. Иначе говоря, в статье Махмудова подчеркивалось, что путь для решения многих проблем нужно искать, прежде всего, в религии⁵⁶.

Какие выводы можно сделать из этой дискуссии? Прежде всего, следует обратить внимание на то, что автор письма, опубликованного в «Вакыте», скрыл свое имя под псевдонимом. Вполне возможно, что он не решился придать широкой огласке все детали местных проблем. Являясь представителем местного мусульманского сообщества, «один человек из Атбасара», вероятно, опасался преследования со стороны своих врагов. Махмудов также пытался показать, что проблемы Атбасара ему небезразличны. Однако его цель имела несколько иную направленность — не столько привлечь внимание широкой общественности на маленький городок, а сколько способствовать «раскручиванию» имиджа газеты «Ульфат».

Реформаторский дискурс и язык, который использовали джадиды, оставлял за рамками изложения ряд местных деталей. Джадиды стремились (не всегда успешно) связать кучу местных проблем с некими общими представлениями, связанными с такими понятиями, как нация, прогресс, реформа, невежественное общество и др. В то же время они активно использовали русские слова и понятия — интеллигент, фанатик, мужик и многие другие⁵⁷. Такая языковая экспрессия не была случайным явлением. С одной стороны, она была следствием постепенной русификации исламского дискурса и образованием нового для мусульман социолекта⁵⁸. С другой, многие русские слова (включая и те, которые были заимствованы из европейских языков) и понятия при отсутствии их непосредственных эквивалентов в араб-

56. Махмудов. Заманамызның эди́п вә мөхәррирләренә гаид (II). Б. 4–5.

57. См.: Себериялы Хөҗжәт әл-Хәким Мәхмүдов. Ислах кютюбханеси. Ч. 1–2. Казан, 1914. Б. 23–24.

58. Об этом явлении см. подробнее: Бустанов А. К., Кемпер М. Ислам по-русски: анализ современной исламской литературы в России: учебное пособие / пер. с англ. Н. Луговской, М. Галимзянова. СПб., 2016. С. 15–29.

ском и татарском языках должны были усилить представление о сложности положения мусульман. Например, отсутствие качественного образования может привести не только к интеллектуальной деградации, но и нравственной. Именно поэтому в исламских текстах иногда встречаются такие слова, как мужик, буржуи, таверна (или каба́к)⁵⁹. Таким образом, сближение с русской и, следовательно, европейской культурой — это не обязательно демонстрация имперской лояльности (эти слова использовались как в позитивном, так и в негативном смысле, — выбор зависел от контекста, в котором находился человек), а скорее необходимость идти в ногу со временем или, иначе говоря, обрести ресурсы для успеха своего сообщества (махалля) и защиты национальных интересов в многоукладном имперском обществе⁶⁰. С этой точки зрения Атбасар и другие отдаленные регионы империи (особенно Сибирь⁶¹ и Казахская степь) должны были постепенно адаптироваться к вызовам современности, и основной движущей силой этих изменений представлялись татарские интеллигенты⁶².

Однако местный контекст не был таким очевидным, как его описывали Махмудов и «один человек из Атбасара». Другие источники — прошения и петиции мусульман, адресованные имперским властям, — показывают, что местный казахский имам Джамантай Байсарин пользовался большим влиянием, как в кругу местных казахов, так и среди значительной части представителей татарского общества⁶³. Более того, помощни-

59. См.: Frank, A., Usmanov, M. "Materials for the Islamic History of Semipalatinsk: Two manuscripts by Ahmad-Wali al-Qazani and Qurban 'Ali Khalidi", p. 84–85; *Махмудов*. Ислах кютюбханеси. Б. 8.

60. Хотя сам факт интеграции в имперское общество и тесно связанной с этим лояльности не следует недооценивать. В связи с этим интересный анализ сделал Чарльз Стейнведель, который говорил о «невидимых нитях империи», что привязывали мусульман к императорской власти и в целом к империи отношениями личной и групповой (сословной, племенной, служебной) лояльности и сопричастности. См.: Steinwedel, Ch. (2001) "Making Social Groups, One Person at a Time: The Identification of Individual by Estate, Religious Confession, and Ethnicity in Late Imperial Russia", in J. Caplan, J. Torpey (eds) *Documenting Individual Identity: The Development of State Practices in the Modern World*, pp. 67–68. Princeton: Princeton University Press.

61. Себериялы Х. Махмудов. Себерияда «Тара» шәһәринда ики бир ташаббас // *Өлфәт*. 1906. № 51. Б. 6–7.

62. См.: Ross, D. *Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia*, pp. 10, 161–163.

63. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1097. Л. 1–2.

ком Байсарина был не казах, как утверждал Махмудов, а татарин Казанской губернии Темирбулат Бекмухаммедов (Темирбулат Мухамеднасих Бекмухаммед улы)⁶⁴. Отношения между имамом и его помощником были неоднозначными. Они отражали динамику текущей конъюнктуры и были связаны с особенностями борьбы за власть и ресурсы среди местных групп мусульман. При этом такого рода конфликты необязательно имели какой-то определенный сценарий развития. Например, это касается противостояния между татарами и казахами. Если в 1892 году Джамантай Байсарин поддержал своего помощника в ходе его конфликта с местным влиятельным казахом Джанбаем Саркиным⁶⁵, то в начале XX века ситуация претерпевает кардинальные изменения — Байсарин и Бекмухаммедов становятся непримиримыми врагами.

Кроме того, участники дискуссии не обратили достаточного внимания на гетерогенный характер местного общества. Речь идет не только об этнической структуре (казахи, татары из разных регионов империи — Казанской губернии и Сибири), но и о сильной социальной поляризации: казаки, крестьяне, купцы, джатаки (разорившиеся кочевники, вынужденные жить за счет наемного труда), отставные солдаты и др. Каждая из этих групп имела различный правовой статус, а также собственные представления о том, какие преобразования необходимы (необходимы ли?) для улучшения жизни местного мусульманского сообщества.

Какая правда нужна обществу? Между «объективной реальностью» и текущей конъюнктурой

Публикации Махмудова не остались без внимания. Месяц спустя «один человек из Атбасара» написал обширное опровержение. Квинтэссенцией этого ответа было стремление дискредитировать не только Махмудова, но и газету «Ульфат» за то, что она обманывает своих читателей:

Существуют большие сомнения, что жизнь в Стамбуле является подходящим местом, для того чтобы видеть происходящее! Но та-

64. Там же.

65. ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 613. Л. 2 об.

кое в «Ульфате» постоянно происходит. Редактор «Ульфата» брань такую свободно пропускает⁶⁶.

Тон этой реплики, таким образом, в очередной раз подчеркивает, что репутация газеты была выше интересов отдельно взятых личностей, а ситуация в Атбасаре становилась в том числе и неким фоном для разбирательств между редакциями разных изданий. В ходе этих разбирательств многие детали опускались. В этом нет ничего удивительного, так как стремление выжить в условиях капитализма заставляло газеты преследовать сугубо прагматические интересы. С другой стороны, несдержанность в выражениях была общей чертой прессы того времени — не только мусульманской, но и русской и европейской. Иногда редакторы вынуждены были жестко цензурировать поступавшие к ним тексты⁶⁷. Интересно, что в нашем случае подобного рода цензура вряд ли была сильно заметна. Кроме некоторых «крутых» выражений, газета «Вақыт» пропустила и откровенные фактические ошибки. Одна из них заключалась в том, что «один человек из Атбасара» редактором «Ульфата» ошибочно называет Р. Фахреддинова, а не Г. Ибрагимова⁶⁸.

В отличие от многих европейских средств массовой информации, татарская пресса имела дело еще и с сильным влиянием религии. В этом контексте редакторы пытались убедить своего читателя, что газеты придерживаются исламской морали и стремятся быть проводником истины, которую утверждает Всевышний (Аллах). В то же время следует заметить, что речь не идет об однородности татарских газет и журналов. Если обратить внимание на татарские сатирические журналы, то их язык, обогащенный разнообразными изобразительно-выразительными средствами, хотя и использовал иносказательный стиль (не говорил ни о чем конкретно), тем не менее, отражал настроения и опасения общества. Так, например, студентов, сидящих на уроке, автор журнала «Карлыгач» описывал как «уснувших летаргическим сном шакирдов ишана» (учеников лидера суфийского братства). Такая откровенная, облаченная в форму иронии, фельетона, сати-

66. Рәдиягә жавап // Вақыт. 1906. № 71. Б. 6.

67. Так, большой интерес представляет личный фонд Фатиха Карими. В нем, в частности, сохранились разнообразные материалы, опубликованные в газете «Вақыт», с редакторскими заметками Карими. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 1370. Оп. 2. Д. 24. Л. 1–104.

68. Рәдиягә жавап // Вақыт. 1906. № 71. Б. 6.

ры критика религии, пороков общества, имперского порядка и др. определила сравнительно недолгое существование изданий такого рода⁶⁹.

Разбирая детали разногласий между Махмудовым и «одним человеком из Атбасара», мы находим несколько весьма примечательных обстоятельств. Автор «Вақыта» в своем опровержении проблемы местного общества уже не сводил только к упадку нравственности и исламского благочестия. На этот раз он делал анализ ситуации гораздо глубже, чем Махмудов. Так, оказалось, что основная причина местных бед заключалась в разногласиях между группами мусульман, интересы которых представляли имам и его помощник. Согласно новой версии происходящего, Темирбулат Бекмухаммедов (мулла Насих в мусульманских источниках — П.Ш.) уже более двадцати лет исполнял обязанности имама в местной мечети. Причина такого положения вещей не выглядит банальной для читателей «Вақыта» — казахский имам из-за своей необразованности уступил собственное место более достойному кандидату⁷⁰. Если сложившиеся обстоятельства устраивали мусульманское общество Атбасара, тогда что же спровоцировало конфликт между разными группами мусульман? Причина разногласий, по мнению «одного человека из Атбасара», заключалась в том, что не все представители махалли с пониманием отнеслись к реформе (*ислах*) в сфере мусульманского образования. Открыв в начале XX века в полуразрушенном здании новометодную школу и пригласив в качестве преподавателя (*мугаллим*) выпускника уфимского медресе Госмания⁷¹, татары противопоставили себя другой части общества — казахам. Последние не захотели отдавать своих детей в это учебное заведение и выступили против *ысул эл-жэдит* — *нового метода*, а также отказались ходить в мечеть и слушать проповеди (*вэгазылэр*) татарского имама. Считая, что подобного рода инновации противоречат

69. Так, журналы «Карлыгач» и «Уклар» выходили только в 1906–1907 годы. См.: Галиева Р.М. Особенности первых татарских сатирических журналов начала XX века: на материалах журналов «Уклар» («Стрелы») и «Карлыгача» («Ястреб»). Автореферат канд. филол. наук. Казань, 2007. С. 9–19.

70. Темирбулат Бекмухаммедов обучался в Казани у Габдельвали хазрата (Габделвали б. Габделгаффар б. Яхъя эл-Хосэйн), который был имамом и мударрисом в Азимовской мечети города Казани. См.: ЦГА РК. Ф. И-847. Оп. 2.1. Д. 108. Л. 16; Фахредин Р. Асар. 3 һәм 4 томнар. Казан, 2010. Б. 212.

71. Основано в 1887. В начале 1890-х годов в программу обучения вводится метод *ысул эл-жэдит*. См.: Валеева М.Г. Медресе Усмания // Дорога к храму: история религиозных учреждений г. Уфы. Уфа, 1993. С. 125–127.

шариату, казахи подали прошение на имя губернатора⁷². В итоге чиновник не только попытался закрыть это учебное заведение⁷³, но и вернул на прежнее место казахского имама⁷⁴. Таким образом, новые неожиданные откровения показали, что корень местных бед — это не какие-то частные проблемы, а серьезный конфликт за ресурсы и власть между разными социальными и этническими группами — между казахами и татарами, между реформаторами и консерваторами. Однако во всей этой драматической истории нас интересует ответ на несколько вопросов: почему Махмудов ничего не стал писать об этом конфликте? Насколько правдоподобно представлена эта история «одним человеком из Атбасара»? Каким образом русские чиновники реагировали на нужды мусульман — следовали духу закона или собственным прагматическим соображениям?

Что касается Махмудова, то, возможно, что он имел определенные планы, связанные с карьерными перспективами в Казахской степи⁷⁵. Рассчитывая на свои связи и собственный авторитет, корреспондент «Ульфата» опасался делать какие-либо опрометчивые шаги, способные подорвать его влияние. С другой стороны, основная канва событий, описанная «одним человеком из Атбасара», показывает другой срез — взгляд местного жителя, отражающего его осведомленность, но также и большую заинтересованность в благополучном для себя исходе дела. Иначе говоря, привлечь внимание властей и печати к местным проблемам и тем самым добиться от купцов выделения значительных средств на нужды образования и реформирования мусульманских институтов.

72. Имя чиновника не указано. Вероятно, речь идет о военном губернаторе Акмолинской области М. Я. Романове.

73. Явление вполне естественное для этого времени. Чиновники, прежде всего, опасались функционирования так называемых нелегальных мусульманских школ, мечетей, суфийских братств, которые становились потенциальной политической угрозой на фоне таких событий, как Андижанское восстание 1898 года, распространение «фанатического» ислама татарами и пр. См.: Моррисон А. Суфизм, панисламизм и информационная паника: Нил Сергеевич Лыкошин и последствия Андижанского восстания // *Tartaria Magna*. 2013. № 2. С. 42–87; Ремнев А. В. Татары в казахской степи: соратники и соперники в Российской империи // *Вестник Евразии*. 2006. № 4. С. 5–31.

74. Рэдиягэ жавап // *Вақыт*. 1906. № 71. Б. 6.

75. Дальнейшие события это подтвердили. В 1910 году он становится имамом в городе Акмолинске. См.: Себериялы Хөжжэт әл-Хәким Мәхмүдов. *Ислах кютюбханеси*. Ч. 1–2. Казан, 1914. Б. 131–133.

Однако большое внимание к деталям не обязательно вписывает их в рамки объективной реальности. Часто эти самые рамки создаются искусственно — благодаря языковой экспрессии, постановке риторических вопросов и использованию реформаторского дискурса. Так или иначе, прояснить суть событий позволяют дополнительные источники. Оказывается, что Джамантай Байсарин не уступал своего места Темирбулату Бекмухаммедову. Так как казахский имам исполнял свои обязанности не только в Атбасаре, но и в Атбасарской волости в целом, его татарский помощник вел метрические книги и исполнял религиозные обряды только в период отсутствия имама. Такая практика продолжалась на протяжении многих лет, то есть вплоть до того времени, пока Бекмухаммедов сам не захотел стать имамом⁷⁶. Данному обстоятельству способствовали не только его личные амбиции. В течение этого времени произошли значительные изменения в социально-экономической жизни Атбасара — активный приток татарского населения из внутренних губерний империи и концентрация в их руках значительного числа финансовых ресурсов. Следовательно, формировались новые сетевые сообщества и группы, которые хотели, чтобы имамом был их ставленник. Одновременно с этим реформировалась административно-политическая система Казахской степи.

Все это усиливало неопределенность правового положения мусульман и двусмысленность их представлений об имперской власти и полномочиях исламских институтов в целом. Если Бекмухаммедов оперировал понятиями и нормами, сложившимися до 1868 года (свидетельство ОМДС, приговор об избрании его имамом татарской части махалли, то есть до введения Временного положения, исключавшего казахов из ведомства ОМДС и передававшего их дела в руки колониальной администрации), то Байсарин строил свою аргументацию на бесспорном принятии новых порядков и имперской лояльности как таковой: отказ от системы указных мулл и утверждение имамов военным губернатором. Несмотря на то, что власти выступали на стороне казахского имама, их отказ одобрить прошение Бекмухаммедова сводился к обычному формализму, а не к попытке подвергнуть ситуацию тщательному анализу — татарин не может быть муллой в казахской мечети. При этом администрация полностью проигнорировала тот факт, что кроме казахов в Атбасаре проживали татары, башкиры, сар-

76. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1097. Л. 2, 8, 13–14.

ты. Настойчивые требования татар создать собственную махаллю с мечетью также не были одобрены чиновниками⁷⁷. Дело сдвинулось с «мертвой точки» только в начале XX века. Официальное объявление веротерпимости по отношению к нехристианским религиям и предоставление разных политических и гражданских свобод в 1904–1905 годах вынудили Степного генерал-губернатора Н. Н. Сухотина разрешить татарам собираться для богослужения в здании местной школы⁷⁸. Затем это здание стало мечетью. Так в Атбасаре появилась вторая махалля⁷⁹.

Другое направление дискуссии — вопрос о миссионерах — позволяет убедиться в том, что «один человек из Атбасара» был ближе к сути вещей, чем его оппонент. Отмечая, что казахи вовсе не стремятся к православию⁸⁰, а, наоборот, открывают мечети⁸¹, автор газеты «Вақыт» не столько переоценивал распространенный тезис о поверхностной исламизации кочевников, сколько напоминал, что взгляд издалека (из Стамбула, из Санкт-Петербурга) не является объективным. Хотя справедливости ради надо признать, что у каждого из дискурсантов взгляд на казахов не был как-то последовательно выражен. В зависимости от контекста рассматриваемых событий менялись оценки и способы описания. Так, в тех случаях, когда Худжат Махмудов пишет о реформе и необходимости консолидировать усилия тюркских народов Российской империи, казахи объявляются братьями татар. Размышляя о проблемах родного языка и необходимости популяризации татарских писателей, Махмудов в качестве примера при-

77. ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 8359. Л. 2; Ф. 64. Оп. 1. Д. 1097. Л. 3 об, 8.

78. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1097. Л. 21.

79. ЦГА РК. Ф. И-847. Оп. 2.1. Д. 111. Л. 16; Ф. 369. Оп. 1. Д. 8359. Л. 2.

80. Так, исследователи описывают достаточно низкие темпы прироста крещеных казахов в XIX в. До 1888 года Киргизской миссии (образована в 1881 году) удалось обратить в православие всего 9 казахов. См.: *Кабульдинов З. Е.* Об усилении миссионерской политики царизма в Казахстане в 80-е годы XIX века // *Отан тарихы*. 2017. № 3. С. 11. Согласно данным переписи 1897 года, в Степи насчитывалось всего 660 крещеных казахов. См.: *Лысенко Ю. А.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Казахстане: вторая половина XIX — начало XX в. Дисс. докт. истор. наук. Барнаул, 2011. С. 134.

81. Радиягэ жавап // *Вақыт*. 1906. № 71. Б. 6. Член 2-й Государственной думы Б. Каратаев так характеризовал реакцию казахов на ограничительные меры империи в отношении строительства мечетей: «Как грибы выросли теперь недозволенные мечети и муллы». См.: *Каратаев Б.* Обзор материалов из истории колонизации казахского края в связи с восстанием казахов Оренбургского края в 1869 г. и в начале 1870-х гг. / сост. Б. С. Абеннова. Алматы, 2006. С. 32.

водит известность и значимость для казахов поэта и просветителя Абая Кунанбаева⁸².

Какую выгоду извлекали те или иные акторы, участвуя в дискуссиях на страницах татарской прессы? Разные социальные группы (редакции газет, мусульманские партии, купцы и реформаторы) и индивиды использовали такие публикации в качестве ресурсов для борьбы за власть в своих сообществах. Сама по себе эта борьба, несмотря на накал риторики и видимое размежевание взглядов, носила тактический, а не принципиальный характер.

Например, если говорить о взаимоотношениях Махмудова с газетой «Вақыт», то они претерпевали изменения: прошло всего несколько лет, и от его конфликта с редакцией газеты не остается и следа — Махмудов начинает использовать «Вақыт» в качестве платформы для продвижения собственных идей. Сама же газета, в отличие от «Ульфата», закрытого в 1907 году⁸³, гибко адаптируется к условиям меняющейся социальной и политической конъюнктуры. Уже на обломках самодержавия в реалиях ноября 1917 года «Вақыт» героизирует Худжата Махмудова как революционера и борца за справедливость. Все это происходит из-за того, что Махмудов, занимая должность имама в Акмолинске в 1910–1913 годах, подвергся преследованию со стороны имперских властей: был обвинен в распространении панисламизма и выслан в Оренбург⁸⁴. Сам по себе этот факт добавил к его образу мусульманского ученого и интеллектуала новые социально-политические характеристики — борец с самодержавием, сторонник радикальных реформ в стране⁸⁵. Таким образом, формат дискуссий, характер поднятых проблем и состав участников не носят принципиального характера, а становятся актуальными в обстоятельствах конкретного места и времени. Более важное значение приобретала способность адаптироваться к переменам, создавать новые сетевые сообщества и производить новых культурных героев.

82. Махмудов. Ислах кютюбханеси. Б. 8, 67.

83. Габдерәшит Ибраһим: фәнни-биографик жыентык. Б. 28–29.

84. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 6003. Л. 11–12.

85. Вот характерный пассаж: «Наш уважаемый имам Хожжэт эл-Хэким эфенди Махмудов 4–5 лет прожив среди врагов, не потерял бодрости духа и во время революции, находясь в центре событий, получив заряд энергии и бодрости, вернулся на родину. Продажные богачи подстрекали казахов к бунту, но благодаря стараниям Хожжэт эл-Хэкима эфенди и молодежи волнения подавлены». См.: Галимжан Курмашев. Акмулла // Вақыт. 1917. № 2288. Б. 4.

Чем еще примечательна рассмотренная нами дискуссия? Она позволяет увидеть, что несмотря на субъективную оценку происходящего, представленную разными сторонами, всех их объединяет одно: проблемы Атбасара — это не столько внутренние дела самого Атбасара, сколько важные моменты, позволяющие понять жизненные реалии любого провинциального мусульманского общества. Несмотря на то, что газеты конструировали собственную «правду», они все же преследовали вполне конкретные и зачастую общие цели. И Махмудов, и «один человек из Атбасара» достаточно отчетливо дают понять, что решить существующие проблемы можно только благодаря единству и сплоченности мусульман. Однако пути для достижения этого единства различаются. Написанное в «Вақыте» позволяет прийти к выводу, что причина многих бед — в отсутствии образованной элиты, которая способна повести общество за собой. С этой точки зрения, один шакирд (студент) из уфимского новометодного медресе Госмания, обучавший детей в Атбасаре, не может искоренить местные предрассудки без помощи прогрессивных купцов и интеллектуалов⁸⁶. Такой взгляд скорее отражает реформаторскую направленность газеты, а не все перипетии местной действительности. В Атбасаре складывалась гораздо более сложная конфигурация отношений — не только противостояние между татарами и казаками, реформаторами и традиционалистами.

Характер дискуссии позволяет говорить о неоднородности и самого татарского общества. Махмудов и его потенциальная аудитория в Атбасаре представляли интересы одной группы — выходцев из Сибири. В этом городе проживали не только его земляки из Тары, но и мусульмане из других регионов Западной Сибири. «Один человек из Атбасара» поддерживал группу татар, связанную с Казанью и Волго-Уральским регионом в целом⁸⁷. Учитывая эти обстоятельства, редакция газеты «Ульфат» в противоположность «Вақыту» стремилась отказаться от идеи

86. Рәдиягә жавап // Вақыт. 1906. № 71. Б. 6.

87. К таким выводам я пришел на основании работы с метрическими книгами атбасарской мечети за 1906–1916 годы. Они указывают на очевидную неоднородность местного мусульманского общества. Я благодарю Зуфара Махмудова за копию этих материалов. См.: ЦГА РК. Ф. 847. Оп. 2.1. Д. 108, 111, 118, 124, 140, 153. О том, что столкновения между сибирскими и волго-уральскими татарами были типичным явлением в Казахской степи см.: *Шаблей П. С.* Российская империя и мусульмане Семипалатинска: дисбаланс власти и неоднородные общества в конце XIX века // *Ab Imperio*. 2019. № 3. С. 60–61.

культурного доминирования какого-либо одного региона. Например, от достаточно популярной в то время мысли, что лидерами прогресса и просвещения являются преимущественно татары из Волго-Уральского региона⁸⁸. Эта газета, издававшаяся в Санкт-Петербурге, уделяла большое внимание проблемам разных регионов, включая Сибирь.

Заключение

Широкое распространение мусульманской печати (в особенности татарской) в начале XX века приводит к тому, что жители маленьких городов и деревень активно включаются в обсуждение актуальных проблем современности. Вслед за политическими реформами, провозглашающими либеральный курс по отношению к мусульманам, происходит преобразование мусульманских институтов в соответствии с идеями известных интеллектуалов и реформаторов (Исмаил Гаспринский, Зия Камали, Габдулла Буби и др.). Эти реалии вступают во взаимодействие со сложным и неоднозначным региональным контекстом. В одних случаях — когда мусульманские сообщества прочно интегрированы в имперские структуры и к тому же обладают разветвленной системой взаимосвязей со своими единоверцами в разных уголках Российской империи — формируется более обширное пространство для обмена мнениями и происходит выработка целостного ответа на вызовы современности.

В Атбасаре складывалась несколько иная ситуация. Несмотря на то, что в городе распространялись прогрессивные татарские газеты, местное общество сталкивалось с определенными проблемами, связанными с пониманием целей и задач реформы мусульманского образования (то есть общество читало газеты, но это не означало, что формировалось какое-то общее и ясное представление о джадидизме, кадимизме и их роли в жизни мусульман). Сводились ли они к тому, что протагонисты изменений с помощью языка реформ стремились овладеть ресурсами власти и влияния, или эта реформа в целом разрушала привычный уклад жизни и противоречила шариату? Конечно, жителей Атбасара интересовало не только это. Они обращались в редакции мусульманских газет и по другим, более важным с их собственной

88. Ross, D. *Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia*, p. 10.

точки зрения вопросам. Однако таким обращениям не всегда уделялось должное внимание⁸⁹.

Отказ таких известных газет, как «Ульфат» и «Вақыт» от тщательного анализа местных обстоятельств необязательно отражает необходимость сформировать у читателя упрощенный взгляд на происходящее — например, о столкновении «невежественных» казахов с прогрессивными татарскими деятелями. Дискуссия между «одним человеком из Атбасара» и Худжатом Махмудовым затрагивала разные вопросы и охватывала широкий контекст: проблемы мусульман Атбасара, Российской империи в целом, взаимоотношения мусульман с чиновниками и др. Каждый из авторов выражал не только свое собственное мнение, но также и интересы определенных групп, редакций газет. Поэтому у меня сложилось представление, что отдельные слова и аргументы участников дискуссии представляли собой скорее совокупность лингвистических стратегий, а не практических советов и предложений, связанных с поиском действенных шагов для решения конкретных проблем Атбасара. Одним словом, более важное место играли задачи текущей конъюнктуры — уничтожение своих врагов среди местных мусульман, создание лучшего имиджа газеты и устранение ее конкурентов на рынке, рост авторитета конкретных людей и др.

Обращает на себя внимание и еще одна деталь. В дискуссии главные голоса принадлежат татарам, так что атбасарское мусульманское сообщество негласно стратифицируется с точки зрения доступа к ресурсам власти и знания. Иначе говоря, татары, модернисты, джадиды, редакторы газет фактически монополизируют право на производство «истины». Другие группы атбасарского гетерогенного общества — их оценки, масштаб деятельности, любое упоминание о них — исключаются или рассматриваются в определенных идеологических рамках. В действительности, дополнительные источники показали, что разные акторы, деятельность которых в той или иной степени недооценивалась в татарских газетах, обладали своей собственной индивидуальностью и большим влиянием на ход местных событий. Прежде всего, речь идет о казахском имаме Джамантае Байсарине. Не имея возможности защитить свои интересы с помощью печатного слова, он использовал более действенные практические инструменты — призыв к имперской лояльности и соблюдению государственного правопорядка в целом.

89. Атбасардан мәктүп // Өлфәт. 1906. № 45. Б. 7.

Библиография / References

Архивные материалы

- Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК).
 Ф. 64 — Канцелярия Степного генерал-губернатора.
 Ф. 369 — Акмолинское областное правление.
 Ф. И-847 — Метрические книги мусульманских приходов.
 Российский государственный исторический архив (РГИА).
 Ф. 821 — Департамент духовных дел иностранных исповеданий.
 Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ).
 Ф. И-295 — Оренбургское магометанское духовное собрание.
 Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ)
 Ф. 1370 — Каримов Мухаммет-Фатих Гилманови (Фатих Карими)

Периодика

- Вакыт. 1906, 1917.
 Деятель. 1905.
 Олфәт. 1906.
 Шура. 1913.

Литература

- Ақан сері Қорамсаұлы.* Көкшетауда Науан молда мен Хамидолла ноғай молдасы бакас болғанда, Хамидоллаға Ақан серінің айтқаны // Ақан сері Қорамсаұлы, Үкілі Ыбырай Сандыбайұлы, Балуан Шолақ Баймырзаұлы. Шығармалары. Алматы: Нұрлы Пресс, 2014.
- Амирханов Р.* Татарская дореволюционная пресса (в контексте Восток — Запад). Казань: Татарское книжное издательство, 2002.
- Атбасарская станица // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: в 86 т. Т. 2. СПб: Типо-литогр. Ефрона, 1890. С. 413.
- Ахунов А.* Пока жандармы спят: Крупнейшая татарская газета начала XX века издавалась в Оренбурге // Восточный экспресс. 2001. № 32 [http://tatarica.narod.ru/world/language/aa_gazet.htm, доступ от 19.02.2022].
- Брилева Д. С.* Общественные дискуссии по вопросам социальных реформ в татарской прессе начала XX века (на материалах журнала «Шура» 1908–1917). Дисс. канд. истор. наук. Казань, 2012.
- Бустанов А. К.* Библиотека Зайнап Максудовой / отв. ред. А. А. Хасавнех, Ш. Ш. Шихалиев. М.: Национальный музей Республики Татарстан, 2019.
- Валеева М. Г.* Медресе Усмания // Дорога к храму: история религиозных учреждений г. Уфы. Уфа: Типография СПТУ № 1, 1993. С. 125–127.
- Гарифуллин В. З., Сабирова Л. Р.* Татарская журналистика: исторический опыт и перспективы развития // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. С. 54–61.
- Гатин А. А.* Фатих Карими: педагогическая и общественно-политическая деятельность. Дисс. канд. истор. наук. Казань, 2008.

- Габдерәшит Ибраһим: фәнни-биографик жьентык. Төз.: М. Госманов, Ф. Галимуллин. Казан: Жьен, 2011.
- Ильясов Ш.А. Деятельность административного аппарата в системе органов колониального управления Степного края (1891–1917 гг.). Диссертация доктора философии PhD. D. Караганда, 2017.
- Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи): монография. Науч. ред. проф. С.В. Любичанковский. Оренбург: Оренбургский государственный аграрный университет, 2019.
- Исхаков С.М. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М.: Социально-политическая мысль, 2007.
- Кабульдинов З.Е. Об усилении миссионерской политики царизма в Казахстане в 80-е годы XIX века // Отан тарихы. 2017. № 3. С. 5–16.
- Каратаев Б. Обзор материалов из истории колонизации казахского края в связи с восстанием казахов Оренбургского края в 1869 г. и в начале 1870-х гг. / сост. Б.С. Абенова. Алматы: АГПИ, 2006.
- Катанаев Г.Е. Прииртышские казахи и казаки: история, хозяйство и быт. Астана: Алтын китап, 2007.
- Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане: Исламский дискурс под русским господством. Перевод с немецкого И. Гилязова. Казань: Российский исламский университет, 2008.
- Курбангали Халиди. Таварих-и хамса-и шарки. Казан, 1910.
- Лысенко Ю.А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Казахстане: вторая половина XIX — начало XX вв. Дисс. докт. истор. наук. Барнаул, 2011.
- Мальшева С. Профессионалки, «арфистки», «любительницы»: проститутки в российском провинциальном городе второй половины XIX — начала XX в. [<https://tinyurl.com/5n7xrpj7n>, доступ от 19.02.2022].
- Мараши И. Религиозное обновление в тюркском мире. Перевод с турецкого З.Ф. Салахутдиновой. Казань: Иман, 2005.
- Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. А.-А.: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960.
- Махмутов З.А. История татар Астаны (XIX — начало XXI в.). Казань: Татарское книжное издательство, 2017.
- Махмутов З.А. История татар Кошкетау и Акмолинской области (XIX — начало XXI в.). Казань, 2019.
- Моррисон А. Суфизм, панисламизм и информационная паника: Нил Сергеевич Лыкошин и последствия Андижанского восстания // Tartaria Magna. 2013. № 2. С. 42–87.
- Обзор Акмолинской области за 1898 г. Омск: Типография Акмолинского областного правления, 1900.
- Ремнев А.В. Российская империя и ислам в казахской степи (60–80-е годы XIX в.) // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Вып. 32. М.: Наука, 2006. С. 238–277.
- Ремнев А.В. Татары в Казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 5–36.
- Себериялы Хәҗжәт әл-Хәким Мәхмүдов. Ислах кютюбханеси. Ч. 1–2. Казан: Электро-типография «Миллят», 1914.

- Субханбердина У. Казак халқының атамұралары: Мазмұндалған библиографиялық көрсеткіш. Алматы: Орталық ғылыми кітапхана, 1999.
- Султангалиева Г. С. «Татарская» диаспора в конфессиональных связях казахской степи (XVIII–XIX вв.) // Вестник Евразии. 2000. № 4. С. 20–36.
- Фәхредин Р. Асар. 3 һәм 4 томнар. Казан: Рухият, 2010.
- Хөҗжәт әл-Хәким б. Дәүт әл-Мәхмүди. Интиқад ал-ақвал би ал-тахкик фи таджвиз ал-никах би ал-та'лик. Казан: Типо-литография императорского университета, 1901.
- Христофоров В. С. Политический сыск и «мусульманский вопрос» начала XX в.: сбор и оценка информации о мусульманах Степного края // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 3. С. 183–190.
- Шаблей П. С. Мусульмане города Тары и Казахская степь: социокультурные взаимодействия во второй половине XIX — начале XX в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2021. № 11. Т. 1. С. 104–114.
- Шаблей П. С. Кто гарант шариата? Правовые столкновения в Акмолинске в 1911 году // Ислам в России и Евразии (памяти Дмитрия Юрьевича Арапова): коллективная монография / Сост. и отв. ред. Т. В. Котюкова. СПб.: Алетея, 2021. С. 189–216.
- Шаблей П. С. Российская империя и мусульмане Семипалатинска: дисбаланс власти и неоднородные общества в конце XIX века // Ab Imperio. 2019. № 3. С. 47–87.

Archival materials

- Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- F. 64 — Kantseliaria Stepnogo general-gubernatora [Office of the Steppe Governor-General].
- F. 369 — Akmolinskoe oblastnoe pravlenie [Akmola regional government].
- F. I-847 — Metricheskie knigi musul'manskikh prikhodov [Metric books of Muslim parishes]. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- F. 821 — Departament dukhovnykh del inostrannykh ispovedanii [Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions]
- Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan [National archive of the Republic of Bashkortostan].
- F. I-295 — Orenburgskoe Magonetanskoe dukhovnoe sobranie [Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly].
- Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan [State Archive of the Republic of Tatarstan].
- F. 1370 — Karimov Muhammet-Fatih Gilmanovich (Fatih Karimi)

Press

- Vakyt. 1906, 1917.
- Deiatel'. 1905.
- Ölfät. 1906.
- Shura. 1913.

References

- Obzor Akmolinskoi oblasti za 1898 g. [Review of Akmola region for 1898] (1900). Omsk: Tipografiia Akmolinskogo oblastnogo pravleniia.

- Ghabderäshit Ibrahim: fänni-biografik zhyentyk* [Gabderrashit Ibrahim: a scientific and biographic sketch] (2011). Töz.: M. Ghosmanov, F. Ghalimullin. Kazan: Zhien.
- Akhunov, A. (2001) "Poka zhandarmy spiat: Krupneishaia tatarskaia gazeta nachala XX veka izdavalas' v Orenburge" [While the gendarmes are sleeping: the largest Tatar newspaper of the early 20th century was published in Orenburg], *Vostochnyi ekspress* 32 [http://tatarica.narod.ru/world/language/aa_gazet.htm, accessed on 19.02.2022].
- Amirkhanov, R. (2002) *Tatarskaia dorevoliutsionnaia pressa (v kontekste Vostok-Zapad)* [Tatar pre-revolutionary press (in context of East-West)]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Bennigsen, A. et Lemerrier-Quelquejay, Ch. (1964) *La Presse et le Mouvement National: Chez Les Musulmans De Russe Avant 1910*. Paris: Mouton.
- Brileva, D. S. (2012) *Obshchestvennye diskussii po voprosam sotsial'nykh reform v tatarskoi presse nachala XX veka (na materialakh zhurnala «Shura» 1908–1917)*. [Public discussions on social reforms in the Tatar press of the early 20th century (based on materials from "Shura" magazine 1908-1907)]. Kand. diss. Kazan'.
- Brophy, D. (2016) "New Method on the New Frontier: Islamic Reformism in Xinjiang, 1898–1917", *JESHO* 59: 303–332.
- Bustanov, A. K. (2019) *Biblioteka Zainap Maksudovoi* [The library of Zainap Maksudova]. M.: Natsional'nyi muzei Respubliki Tatarstan.
- Crews, R. (2006) *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge, MA, London: Harvard University Press.
- Fäkhreddin, R. (2010) *Äsär* [Heritage]. 3–4 vols. Kazan: Rukhiyät.
- Frank, A., Usmanov, M. (2001) "Materials for the Islamic History of Semipalatinsk: Two manuscripts by Ahmad-Wali al-Qazani and Qurban-'Ali Khalidi", *ANOR* 11.
- Garifullin, V. Z., Sabirova, L. R. (2015) "Tatarskaia zhurnalistika: istoricheskii opyt i perspektivy razvitiia" [Tatar journalism: historical experience and development prospect], *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* 157: 54–61.
- Garipova, G. (2013) *The Transformation of the Ulama and the Shari'a in the Volga-Ural Muslim Community under Russian Imperial Rule*. A Dissertation of Doctor Philosophy. Princeton.
- Gatin, A. A. (2008) *Fatikh Karimi: pedagogicheskaia i obshchestvenno-politicheskaia deiatel'nost'* [Fatih Karimi: pedagogical and socio-political activities]. Kand. diss. Kazan'.
- Ghılmani S., Muminov, A., Frank, A. J., Nurmanova, A. (eds) (2018) *Biographies of the Islamic Scholars of our Time*. Vol. 2. English translation. Istanbul: IRCICA.
- Il'iasov, Sh. A. (2017) *Deiatel'nost' administrativnogo apparata v sisteme organov kolonial'nogo upravleniia Stepnogo kraia (1891–1917 gg.)* [The activity of the administrative apparatus in the system of colonial administration bodies of the Steppe region]. PhD. diss. Karaganda.
- Iskhakov, S. M. (2007) *Pervaia russkaia revoliutsiia i musul'mane Rossiskoi imperii*. [The first Russian revolution and the Muslims of the Russian Empire]. M.: Sotsial'no-politicheskaia mysl'.
- Kabul'dinov, Z. E. (2017) "Ob usilenii missionerskoi politiki tsarizma v Kazakhstane v 80-e gody 19 veka" [On the strengthening of the missionary policy of tsarism in Kazakhstan in the 80s of the 19th century], *Otan tarikhi* 3: 5–16.
- Karataev, B. (2006) *Obzor materialov iz istorii kolonizatsii kazakhskogo kraia v sviazi s vosstaniem kazakhov Orenburgskogo kraia v 1869 g. i v nachale 1870-kh gg.* [Re-

- view of materials from the history of the colonization of the Kazakh region in connection with the uprising of the Kazakhs of the Orenburg region in 1869 and at the beginning 1870]. Almaty: AGPI.
- Katanaev, G. E. (2007) *Priirtyshskie kazakhi i kazaki: istoriia, khoziaistvo i byt*. [Irtysh kazakhs and Cossacks: history, economy and life]. Astana: Altyn kitap.
- Kemper, M. (2008) *Sufii i uchenye v Tatarstane i Bashkortostane: Islamskii diskurs pod russkim gospodstvom* [Sufis and scholars in Tatarstan and Bashkortostan: Islamic discourse under Russian ruler]. Kazan': Rossiiskii islamskii universitet.
- Khalid, A. (1999) *Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*. Berkely: University of California Press.
- Khözhzhät äI-Khäkim b. Däut, äI-Mäkhmüdi. (1901) *Intikad al-akval bi al-takhhik fi tadzhviz al-nikakh bi al-taalik* [Critical consideration of claims relating to the performance of a marriage under specific conditions]. Kazan: Tipo-litografiia imperatorskogo universiteta.
- Khristoforov, V. S. (2018) "Politicheskii sysk i 'musul'manskii vopros' nachala 20 v.: sbor i otsenka informatsii o musul'manakh Stepnogo kraia" [Political investigation and the Muslim question of the early 20th century: collection and evaluating information about the Muslim of the Steppe region], *Vestnik Omskogo universiteta. Seria: Istoricheskie nauki* 3: 183–190.
- Lazzerini, E. (1973) *Ismail Bey Gasprinskii and Muslim Modernism in Russia, 1878–1914*. Ph.D. Dissertation, University of Washington.
- Liubichankovskii, S. V. (ed.) (2019) *Imperskaia politika akkul'turatsii i problema kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossiiskoi imperii)* [Imperial policy of acculturation and the problem of colonialism (on the example of the nomadic and semi-nomadic peoples of the Russian Empire)]. Orenburg: Orenburgskii gosugarstvennyi agrarnyi universitet.
- Lysenko, Iu. A. (2011) *Missionerskaia deiatel'nost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v Kazakhstane: vtoraiia polovina 19 — nachalo 20 vv.* [Missionary activity of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan: the second half of the 19th — early 20th centuries]. Dokt. diss. Barnaul.
- Malysheva, S. *Professional'ki, "arfstki", "liubitel'nitsy": prostitutki v rossiiskom provintsial'nom gorode vtoroi poloviny 19 — nachala 20 v.* [Professional women, "harpists", "amateurs": prostitutes in a Russian provincial town of the second half of the 19th and early 20th centuries]. [https://tinyurl.com/5n7xpj7n, accessed on 19.02.2022].
- Marash, I. (2005) *Religioznoe obnovenie v tiurkskom mire* [Religious renewal in the Turkic world]. Kazan': Iman.
- Masevich, M. (ed.) (1960) *Materialy po istorii politicheskogo stroia Kazakhstana*. [Materials on the history of the political system of Kazakhstan]. 1 vol. Alma-Ata: Izd.-vo Akad. Nauk KazSSR.
- Makhmutov, Z. A. (2017) *Istoriia tatar Astany (19 — nachalo 21 v.)* [History of the Tatars of Astana (19 — early 21 century)]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Makhmutov, Z. A. (2019) *Istoriia tatar Kokshetau i Akmolinskoi oblasti (19 — nachalo 21 v.)* [History of the Tatars of Kokchetav and Akmola region (19 — early 21 century)]. Kazan'.
- Meyer, J. (2014) *Turks across Empire: Marketing Muslim Identity in the Russian-Ottoman Borderlands, 1856–1914*. Oxford: Oxford university press.
- Morrison, A. (2013) "Sufizm, panislamizm i informatsionnaia panika: Nil Sergeevich Lykoshin i posledstviia Andizhanskogo vosstaniia" [Sufism, Pan-Islamism and informa-

- tion panic: Nil Sergeevich Lykoshin and the consequences of the Andizhan uprising], *Tartaria Magna* 2: 42–87.
- Naganawa, N. (2017) *Islamic Russia: Empire, Religion, and the Public Sphere, 1905–1917*. Nagoya: Nagoya university press.
- Naganawa, N. (2020) “Tatars and Imperialist Wars: from the Tsar’s Servitors to the Red Warriors”, *Ab Imperio* 1: 171–191.
- Naganawa, N. (2018) “Designs for Dâr al-Islâm: Religious Freedom and the Emergence of a Muslim Public Sphere”, in R.A. Poole, P.W. Werth (eds) *Religious Freedom in Modern Russia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Remnev, A. V. (2006) “Rossiiskaia imperiia i islam v kazakhskoi stepi (60–80-ee gody 19 v.)” [Russian empire and Islam in the Kazakh Steppe (60–80s of 19th century)], *Rasy i narody: sovremennye etnicheskie i rasovye problemy*. 32 vol., pp. 238–277. M.: Nauka.
- Remnev, A. V. (2006) Tatars v Kazakhskoi stepi: soratniki i soperniki Rossiiskoi imperii [Tatars in the Kazakh Steppe: companions and rivals of the Russian Empire], *Vestnik Evrazii* 4: 5–36.
- Ross, D. (2020) *Tatar Empire: Kazan’s Muslims and the Making of Imperial Russia*. Indiana: Indiana University Press.
- Qurban-‘Ali, Khalidi (1910) *Tawarikh-i khamsa-i sharqi* [Five stories of the East]. Kazan.
- Seberialy Khözhzhät äl-Khäkim, Mäkhmüdo. (1914) *Islakh kiutiubkhanesi*. [Library of reform], vol. 1–2. Kazan: Elektro-tipografiia «Milliat».
- Shabley, P. (2021) “A Kazakh Muftiate or Orenburg Muslim Spiritual Assembly: The Shape of Public Opinion in the Expanses of the Empire (Second Half of the Nineteenth — Beginning of the Twentieth Century)”, *Russian Studies in History* 4: 292–309.
- Steinwedel, Ch. (2001) “Making Social Groups, One Person at a Time: The Identification of Individual by Estate, Religious Confession, and Ethnicity in Late Imperial Russia” in J. Caplan, J. Torpey (eds) *Documenting Individual Identity: The Development of State Practices in the Modern World*, pp. 67–82. Princeton: Princeton University Press.
- Subkhanberdina, Ü. (1999) *Qazaq khalqynyñ atamûralary: Mazmûndalghan bibliografiialyq körsetkish* [Kazakh folk heritage: bibliographic index of content]. Almaty: Ortalyq ğylymi kitapkhana.
- Sultangalieva, G. S. (2000) “‘Tatarskaia’ diaspora v konfessional’nykh svyaziakh kazakhskoi stepi (18–19 vv.)” [“Tatar” diaspora in confessional ties of the Kazakh Steppe], *Vestnik Evrazii* 4: 20–36.
- Shablei, P. S. (2021) “Musul’mane goroda Tary i Kazakhskaia step’: sotsiokul’turnye vzaimodeistviia vo vtoroi polovine 19 — nachale 20 vv.” [Muslims of the city of Tara and the Kazakh steppe: social and cultural interaction in the 19th — 20th centuries], *Iz istorii i kul’tury narodov Srednego Povolzh’ia*, 1/11: 104–114.
- Shablei, P. S. (2021) “Kto garant shariata? Pravovye stolknoveniia v Akmolinske v 1911 godu” [Who is the guarantor of Sharia? Legal clashes in Akmolinsk in 1911], *Islam v Rossii i Evrazii (pamiati Dmitriia Iur’evicha Arapova)*, pp. 189–216. SPb: Aleteia.
- Shablei, P. S. (2019) “Rossiiskaia imperiia i musul’mane Semipalatinska: disbalans vlasti i neodnorodnye obshchestva v kontse 19 veka” [The Russian Empire and the Muslims of Semipalatinsk: power imbalance and heterogeneous societies], *Ab Imperio* 3: 47–87.
- Tuna, M. (2015) *Imperial Russia’s Muslims. Islam, Empire, and European Modernity, 1788–1914*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Usmanova, D. (1996) "Tatarische Presse 1905–1918: Quellen, Entwicklungsetappen und Quantitative Analyses", in M. Kemper, A. von Kügelgen, D. Yermakov (eds) *Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th centuries*. Vol. 1, pp. 239–278. Berlin: Klaus Schwarz Verlag.
- Valeeva, M.G. (1993) "Medrese Usmaniiia" [Medrese Usmaniiia], in *Doroga k khramu: istoriia religioznykh uchrezhdenii g. Ufy*, pp. 125–127. Ufa: Tipografiia SPTU № 1.